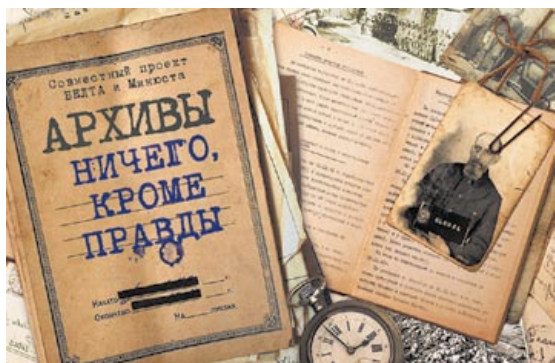

Холодом и голодом

Немецкие оккупанты беспощадно уничтожали мирное население, используя при этом самые бесчеловечные методы

Документально доказанных фактов, когда гитлеровцы в Беларуси использовали для убийства экстремально низкие температуры, не так много, в отличие от подтвержденных свидетельскими показаниями и вещественными доказательствами массовых расстрелов и сожжений ни в чем не повинных людей. Но нацисты никогда не гнушались пытками и казнями холодом, утверждает наш эксперт Вячеслав Селеменев. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в 1943–1945 годах зафиксировала десятки случаев, когда оружием врага против мирного населения становился мороз.

Читаем акт, хранящийся в Национальном архиве нашей страны. Он составлен в Журавичском районе Гомельской области: «10 марта 1942 года гестапо арестовало секретаря Обидовичского сельсовета Хоботнякова Даниила. Его ежедневно в течение продолжительного времени держали голым на морозе и сажали на колючки, после чего с замороженными руками и ногами расстреляли. Таким же образом замучены Баранов Иван, Гиричев Василий и другие».

В Туровском районе жительницу деревни Рудня Софию Левковец голую держали на морозе, долго избивали, после чего расстреляли. В Лоеве в февральские пургу и мороз раздетого и разутого Николая Максименко оккупанты водили по улицам, избивая прикладами и шомполами, а затем выкололи ему глаза. Истерзанный Максименко умер. В Петрикове в январе 1942-го жандармы арестовали семь семей по подозрению в связях с парти-

занами. Людей бросили в холодный барак. Каждые несколько часов их, раздетых почти догола и босых, водили по снегу на допросы. И так продолжалось несколько дней. Измотав до полусмерти, пленников расстреляли.

– Жуткие факты издевательств над людьми, вина которых не была никем и ничем доказана, свидетельствуют: жителей Беларуси оккупанты не считали за людей и пытали холодом по малейшему подозрению или оговору, – отмечает ведущий научный сотрудник отдела публикаций Национального архива Вячеслав Селеменев.

Сохранилось и свидетельство выжившего после таких пыток Михаила Абрамчика из колхоза «Чырвоная Беларусь». После освобождения БССР от гитлеровской «навалы» он рассказал следователям свою леденящую кровь историю. Михаила долгое время фашисты истязали, пытаясь добиться признания в сотрудничестве с партизанами.

«На четвертые сутки опять повели на допрос и ставили босыми ногами на раскаленное железо. После этого дали несколько дней отдохнуть, – читаем в архивном материале. – Спустя трое суток раздели наголо и выводили на мороз на 30 минут». Чем же провинился перед «новой властью» Абрамчик? Его, как и других сельчан, оккупанты силой заставили разминировать дороги, а когда уже на «чистом» участке подорвался немецкий автомобиль, решили: кто-то из местных навел партизан. Главным среди подозреваемых стал Михаил.

Архивные документы бесстрастно свидетельствуют и о нечеловеческой забаве фашистов – вести полураздетых или голых людей по льду и снегу на расстрел.

«Жителей Беларуси оккупанты не считали за людей и пытали холодом по малейшему подозрению или оговору».

Школьный учитель из Чечерска Иван Горбачев вспоминал после войны: 28 декабря 1941 года более 400 евреев и цыган без верхней одежды, босиком гнали через весь город к противотанковому рву, где расстреляли. По словам свидетеля, в тот день температура воздуха опускалась ниже 30 градусов мороза.

Тринадцатого февраля 1942 года карательный отряд ворвался в деревню Санюки Ельского района Гомельской области. Вооруженные до зубов головорезы окружили жилища Альберта Данильченко и Франца Серового. Шестерых детей раздели до гола, в таком виде привезли их в Ельск и сожгли живо.

Унтершарфюрер 32-й зондеркоманды при полиции СС и СД в Минске Франц Гесс на суде сообщил подробности расстрела заключенных минской тюрьмы. Вот строки из протокола судебного заседания: «8–9 декабря арестованные были погружены на несколько машин (четыре грузовых, количества легковых не помню). На каждую машину мы нагрузили по 30–40 человек и повезли к месту расстрела. Заключенные были одеты плохо, и когда они

выходили из тюрьмы, замерзали от холода. Около половины замерзло, пока их довезли до места расстрела».

Вячеслав Селемев

– Заключенные тюрем умирали от холода и в камерах, только о количестве таких смертей мы никогда не узнаем, потому что живых свидетелей не осталось, а бывшие надсмотрщики постарались как можно быстрее стереть из памяти факты собственных злодеяний, – комментирует Вячеслав Селемев.

Слова нашего эксперта косвенно подтверждают хранящиеся в архиве показания некоего Петра Лазарчика, работавшего во время оккупации поваром в минской городской тюрьме: «В самих камерах, где сидели заключенные, был иней, так как было страшно холодно, а камеры не отапливались».

Еще один архивный документ – акт ЧГК по Гомельскому району. Цитируем: «Сбор теплых вещей для немецких армий проводился с применением оружия. Так, в деревне Давыдовка на улице немцы

Шоссе Минск – Москва, 1941 год

встретили Лазовского Исаю и заставили снять полушубок, оставив его голым на морозе, а с Лазовской Аграфены сняли валенки, оставив ее босую на снегу. В деревне Поколюбичи немцы сделали засаду на идущих в церковь граждан: с гражданки Такуновой и с Серикова Петра сняли шубу и валенки».

Банальный грабеж кажется невинной шалостью на фоне ужасающих преступлений оккупантов.

В Минском гетто 2 марта 1942 года фашисты устроили кровавую бойню. Не найдя запланированных пяти тысяч человек для отправки на расстрел, они вломались в детский дом, забрали две сотни воспитанников вместе с воспитателями и медперсоналом. Младенцев не тронули. «Пользуясь тем, что день был морозный, а дети лежали на постелях, каратели раскрыли окна и двери, и дети замерзли», – рассказали в разведотделе партизанской бригады «Дяди Васи» спасшиеся от погрома Е. Майзлес и Ф. Гурвич.

В январе 1944 года нацисты в деревне Шалашники на Витебщине расстреляли почти сотню мирных жителей. Труп Гилевича поместили за руль трактора и под страхом смерти запретили оставшимся в живых односельчанам прикасаться к нему. Обледенелое тело пробыло в таком состоянии до самой весны.

– Наши соотечественники были для гитлеровцев чем-то средним между домашним скотом и рабами, поэтому и церемониться с белорусами никто не собирался, – говорит Вячеслав Селеменев. – Известно немало случаев, когда мирное население по приказу военного начальства зимой выбрасывали из жилищ на улицу.

Так, Рольф Бурхард, бывший зондерфюрер комендатуры в Бобруйске, дрожащим голосом признавался на Минском процессе в январе 1946 года: «Грубо ориентировочно было выброшено около 10 тысяч человек, выселено четыре квартала». В действительности, как установило следствие, крыши над головой в течение нескольких дней лишились более 12 тысяч бобруйчан.

Свидетельница Нина Макаренко давала показания на суде над карателями: «В январе 1942 года мою семью – мать и троих детей – немцы выбросили из квартиры на улицу. В марте я обратилась в комендатуру к Бурхарду, рассказала, что нахожусь на улице

с маленькими детьми. Мне Бурхард ответил: „Никаких жалоб от вас не хочу иметь“. Взял за воротник, вытолкал со словами: „Больше мне не надоедайте с такими вопросами“».

Гитлеровский офицер на скамье подсудимых запоздало раскаялся, признав, что такие методы «безусловно были преступными».

– Выселенных в зимнюю стужу, по сути, лишали не только крова, но и средств к существованию: подвод для вывоза вещей или продуктов никто горожанам не предоставлял, сколько могли унести на себе, столько уносили, – рассказывает Вячеслав Селеменев. – Кроме того, всех, кто мог держать в руках лопату, задерживали и под конвоем доставляли в бобруйский лагерь № 131, где содержались приговоренные к каторжным работам.

Пример с Бобруйском, пожалуй, самый известный. Но далеко не единственный на оккупированной территории Беларуси. В том же Могилеве в январе 1944-го немцы выкинули на мороз жителей шести домов, лишив их всего имущества. А сколько таких случаев вообще было, даже представить трудно.

«Обычная» инструкция № 38/4

Именно она, а точнее бесчеловечная политика геноцида, которую осуществляли на оккупированной территории Беларуси гитлеровцы, привела

Немецкие каратели в Могилевском районе. 1943 год

к тому, что сотни тысяч матерей не дождались с войны сыновей. Они покоятся в безымянных могилах в разных уголках нашей страны.

Согласно Женевской конвенции, попавшие в плен солдаты и офицеры противника должны содержаться в сносных условиях, получать достаточное количество солдатской еды и медицинскую помощь. Кроме того, военнопленных было запрещено использовать на каторжных работах.

– В оккупированной Беларуси немцы нарушили все мыслимые и немыслимые законы не только войны, но и человеческого общества, – рассуждает Вячеслав Селеменев. – Узников беспощадно избивали, морили голодом и холодом, варили им баланду из полусгнивших трупов животных, ставили медицинские эксперименты, заставляли ночевать зимой под открытым небом.

В 1942 году недалеко от Барановичей немцы устроили печально известный ныне шталаг № 337. Здесь содержалось около 10 тысяч мирных граждан и военнопленных – белорусов, русских и украинцев. Станислав Высокинский со станции Лесная в свое время рассказывал следующее. В стенах лагерных хибар без печек и нар зияли такие дыры, что через них наметало огромные сугробы. Половина военнопленных лютой зимой (столбик термометра опускался до минус 20–30 градусов) ночевала под открытым небом. В барак можно было попасть, только отстояв очередь, и то на короткое время. В дополнение ко всему заключенных утром строили на поверку, длившуюся на сильном морозе несколько часов. За это время 40–70 человек умирали.

Мобилизованный для охраны железной дороги житель Лесной Иван Щепко свидетельствовал: в одну из зимних ночей на станцию прибыл эшелон с военнопленными. Несмотря на тридцатиградусный мороз, их везли в открытых вагонах, в летнем обмундировании. Обмороженных и истощенных людей избивали палками и прикладами. Лишь

Советских военнопленных даже в тридцатиградусные морозы перевозили на открытых железнодорожных платформах. Немецкое фото середины 1940-х

почти через сутки пригнали подводы и принялись свозить и живых, и мертвых в ров около станции, где вырыли также глубокую яму. «Оттуда еще долго были слышны страшные стоны и вопли», – читаем в воспоминаниях очевидца.

В гомельском лагере для военнопленных № 121 людей держали в бывших конюшнях без полов и окон. Осенью, в первый год войны, каждый день там умирали 300–500 человек. С наступлением зимы смертность выросла вдвое.

«Пользуясь тем, что день был морозный, а дети лежали на постелях, каратели раскрыли окна и двери, и дети замерзли».

В 1946 году в Минске был осужден к смертной казни через повешение Карл Лангут, заместитель коменданта лагеря № 131 для советских военнопленных в Бобруйске. Зимой 1941/42 года он эшелонами отправлял людей в летней форме на каторгу в Германию в неотопливаемых вагонах или на открытых платформах. Почти все они погибли от переохлаждения. Точное число замерзших так и не установили.

Свидетель Петр Богдан на процессе показал: в декабре 1941 года из Барановичского лагеря в Бобруйск прислали 17 платформ с пленными и загнали в тупик, где они простояли еще двое суток. Затем состав подогнали ближе к кладбищу, мертвые тела возили туда весь день на 60 подводах.

– Как часто практиковался такой способ переброски военнопленных в зимних условиях? – задал вопрос Лангуту государственный обвинитель.

– Применяли часто.

– Почему ни вагоны, ни бараки не отапливались?

– У нас была инструкция № 38/4, которая запрещала в вагонах возить дрова и разжигать печи.

– Вы вагоны ценили дороже людей?

– Да. Так говорилось в инструкции.

На Минском процессе стал известен один из самых зловещих эпизодов преступной деятельности Лангута. Накануне 1942 года немцы сформировали эшелон из 50 открытых платформ, где разместили более трех тысяч военнопленных. Железнодорожник Василий Сиротко рассказывал на суде, что раздетых заключенных вывели из лагеря в 4.00 утра, погрузка закончилась к 10.00, но состав отправился лишь на следующие сутки. «До Минска пленные не доехали, замерзли, и трупы их были сброшены под откос», – свидетельствовал Сиротко. «Открытые платформы не было смысла топить», – бесхитростно пояснил обвиняемый Лангут.

«В оккупированной Беларуси немцы нарушили все мыслимые и немыслимые законы не только войны, но и человеческого общества».

– Если даже пленные не умерли от холода, судьба их в Минске, скорее всего, оказалась бы незавидной, – говорит наш эксперт Вячеслав Селеменев. – Свидетель Михаил Кумейша вспоминал, что в один из зимних дней он шел на работу по Советской улице (нынешний проспект Независимости. – Авт.) и на обочинах, от вокзала до Комаровки, валялось очень много трупов военнопленных. Их убили выстрелами в голову. Гитлеровцы экономи-

ли продовольствие и избавлялись от плененных красноармейцев любыми способами: уничтожали холодом, расстреливали якобы при попытках к бегству, устраивая кровавые провокации.

«Мирное население по приказу военного начальства зимой выбрасывали из жилищ на улицу».

Как в том же бобруйском лагере № 131. Седьмого ноября 1941 года гитлеровцы в трехэтажной казарме, где находилось 24 тысячи узников, в том числе тяжелобольных, устроили пожар. В огне и дыму люди метались в поиске спасительного выхода. Возникла давка. Тех, кто каким-то образом сумел выбраться из полыхающего здания, встретил пулеметный огонь с вышек. Свидетель Михаил Михаленок рассказывал: «При выходе из здания на улицу образовалась пробка, в коридорах некоторые были задавлены толпой. Примерно в 21.00 на вышках заработали пулеметы, пальба не стихала до рассвета. Погибло 18 тысяч человек».

– К концу оккупации зверские методы уничтожения, которые применялись по отношению к военнопленным, нацисты принялись использовать против гражданского населения, – констатирует Вячеслав Селеменев. – Финальный аккорд геноцида – лагерь в Озаричах, куда согнали 50 тысяч человек, из которых более 20 тысяч погибли за колючей проволокой и по пути туда. Многие тысячи смертей были от холода, температура воздуха стояла минусовая, а в ночь на 15 марта наступило резкое похолодание и выпал снег.

Какие-либо строения или укрытия в лагере отсутствовали. При попытках разжечь костер или собрать хворост охрана сразу же стреляла на поражение, даже в женщин с грудными детьми. И да, многие узники не доехали до Озаричей. Учительница Е. Маз из Жлобина вспоминала: обреченных на смерть везли в неотапливаемых вагонах, и дети массово замерзали насмерть.

Жительница Речицы Ю. Барабанова поделилась с советскими следователями своими воспоминаниями об Озаричах, куда ее вместе с четырехлетним сыном «эвакуировали» оккупационные власти

Выжившие узники Озаричей покидают лагерь после освобождения. Март 1944-го

при отступлении. Читаем пробирающийся до дрожи архивный документ: «Немцы привезли сыпнотифозных шесть машин, в которых было более ста человек. Многие из них находились в бессознательном состоянии, оставались лежать на снегу, и утром следующего дня я видела, что человек пятьдесят уже были мертвыми. Особенно запечатлелась женщина в возрасте примерно 40 лет. На ней было лишь черное платье, ноги босые. Эта женщина двигалась, пыталась греться, но утром я увидела ее мертвой. С этими сыпнотифозными были привезены три девочки лет трех-пяти и тоже раздетыми были выброшены на снег. Они через четыре-пять часов умерли, замерзли».

Жительница Клюковичей Евдокия Третьякова вспоминала: «Одна женщина, желая спасти своих четырех детей от замерзания, разожгла костер. Была убита. Остались сиротами четверо маленьких детей. Было очень много женщин-матерей с грудными детьми, и из них многие погибли. Маленькие дети

не могли перенести холода и голода, и их трупы в лагере лежали целыми грудями. В братских могилах хоронили не одного-двух человек, а целыми сотнями».

– Факты свидетельствуют, что оккупационные власти широко использовали лютые военные зимы и для уничтожения, и для устрашения населения, – говорит Вячеслав Селеменев. – Не гнушались ничем: замораживали, пытали холодом, вывозили голыми на расстрел. Вина большей части этих людей заключалась лишь в том, что они родились на белорусской земле и попали под руку гитлеровцам. Все эти злодеяния должны обязательно стать известны широкой общественности. О них нужно помнить, чтобы избежать повторения жутких военных событий.

Алексей ГОРБУНОВ
Использованы материалы
Национального архива Республики Беларусь
и фото из открытых источников